

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Москва, 2002-16 февр. - С. 2.

Эскимо из детства

— Ольга Михайловна, в самом начале "Серебряного века", когда сцена представляет собой небольшой кино-театр, вы появляетесь с мороженым-эскимо на палочке. Скажите, из чего оно сделано?

— Оно настоящее. Как, а горло? Неужели бутафорское нельзя было придумать?

— Это получилось само собой, я помню, что в детстве пойти в кино — это праздник, а купить там за одиннадцать копеек эскимо — двойной праздник. Так и выхожу со своим мороженым.

— В театр вы приходите в полном блеске, причесанная, в макияже?

— Актриса в жизни — это полуфабрикат. Из меня будут делать то, что нужно спектаклю, — красавицу, уродину, молодую, а может быть, старую... Это главное, а какая я в жизни — никого не должно волновать, хотя всем безумно интересно. — Вы легко вошли в труппу Театра им. Моссавета?

— Теперь могу сказать, что легко, хотя были и острые моменты. Когда меня пригласили в театр, то я стала репетировать роль в спектакле "Вдовий пароход", который ставила режиссер Генриетта Яновская. Редкий, удивительный был спектакль.

А перед премьерой получила отвратительную анонимку с грязной, нецензурной бранью. Но я не обратила внимания. Я шла играть спектакль, в котором была уверена, мне надо было не подвести режиссера, партнеров, себя. И, наверное, оттого что анонимка меня не тронула и я была доброжелательна со всеми, в скором времени получила еще одну, с еще более чудовищным, оскорбительным текстом.

И мне стало жалко того, кто это писал: человек тратил на это время. На меня же это никак не повлияло, я никогда не буду тратить свои силы и энергию на ненависть или злость к кому-то, потому что это отнимет у меня кусок жизни. И, наверное, поняв мой характер, тайный недоброжелатель отказался от битвы со мной. Так что вошла я в труппу театра легко. Но до Театра Моссавета у меня были Театр юного зрителя, Театр на Малой Бронной.

Незаконнорожденный букет роз

— У вас, такой опытной актрисы, бывает состояние дрожи перед спектаклем?

— Да, но все зависит от роли. Есть роли, в которые ты хочешь нырнуть поглубже, а ходишь по дну, и тогда волнение проходит быстро. А есть такие, что ты не можешь достать дна, настолько оно глубоко. И в этом прелесть, и начинается дрожь. Перед "Вишневым садом" меня просто колотит. Так же было и с "Мадам Бовари", сейчас, правда, этот спектакль мы не играем.

— А зрительный зал вы чувствуете? Можете его переломить, победить, если он равнодушный или раздраженный?

— Нет, как же, могу. Когда я понимаю, что энергетика спектакля на нуле и зритель равнодушен, то начинаю собираться и себя, и тех, кто вокруг меня на сцене. Но бывает ведь и хамский зритель. Мы играем спектакль "Белая гвардия", на который приходит много школьников, наверное, это им нужно по программе. И ведут они себя довольно раскованно. Занавес еще не открылся, а я уже слышу, как они хлопают, кричат, свистят, звенят бутылками. Однажды идет спектакль, чувствую, идет хорошо. Наступает эпизод, когда Шервинский делает мне предложение, а я отвечаю: "Скучно, грустно и так одиноко. Я согласна". И буквально перед этим текстом в зале падает бутылка, раздается смех... Тогда я смотрю туда, откуда донесся смех, и со всей энергией, но слегка изменив фразу, говорю: "Так надоело это хамство! И скучно, и грустно, и одиноко". И зал затих. Думаю, Булгаков простил бы мне эту отсечину.

Бывают, конечно, вялые спектакли, но случается, что ты летишь! У меня так было, раза два, но было, когда спектакль взлетал над сценой и летел. — А был такой букет цветов от поклонников, который вы и сегодня не можете забыть?

Когда она приехала из Куйбышева в Москву, поступать в театральный институт, то даже не знала, где он находится. На собеседовании ее "зарубили". От усталости и обиды забилась куда-то под лестницу и расплакалась. Увидев это, кто-то посоветовал: "Поменяй репертуар и иди сразу на конкурс, неужели ты думаешь, что они тебя запомнили?"

Сегодня это звучит как анекдот, не запомнить Ольгу Остроумову невозможно. Когда-то кинозрителей потрясла ее Женя Комелькова в фильме "А зори здесь тихие...", сегодня актриса поражает своими театральными ролями в Театре им. Моссавета. Мадам Бовари, Раневская, Елена в "Белой гвардии" и одна из последних — роль Клавдии в спектакле "Серебряный век".

Ольга Остроумова:
"Я из тех русских женщин, которые все могут. Когда прижмет, и суп из топора сварю"

— Да. Это случилось в ТЮЗе. После спектакля мне вдруг выносят на сцену огромный букет алых роз чуть ли не в мой рост, это были семидесятые годы. А потом за кулисами ко мне подходит директор театра, не будем вспоминать его имя, и говорит: "Оля, тот человек, который подарил вам этот букет, приглашает вас в ресторан". Я не растерялась и отвечаю: "Ой, что вы, мне надо домой, меня муж ждет". И убежала, встретилась со своим супругом, а он, увидев букет, говорит: "Ты идешь с ним, как с незаконнорожденным ребенком". И я запихнула розы в урну, о чем и не жалею.

По той ли дорожке ты идешь?

— Как произошло ваше назначение в "А зори здесь тихие"? Вас пригласил сам режиссер Станислав Ростоцкий?

— Нет. Все мы — Катя Маркова, которая сыграла в фильме Четвертак, Андрей Мартынов, исполнивший Васюкова, и я — работали в Театре юного зрителя. Вижу, что Андрей ходит какой-то сосредоточенный, чувствует, что чем-то увлечен. Я спрашиваю: "В чем дело?" Он мне и говорит, что ему дали один сценарий фильма, где для него есть роль всей жизни, которую он безумно хочет сыграть. А пробовались на фильм очень знаменитые артисты, конкуренция была высочайшей. Я спрашиваю: "Как называется?" Он говорит: "А зори здесь тихие..." И тут я вспоминаю, что у меня тоже есть этот сценарий, который я еще не прочитала. Я быстро его читаю и понимаю, что хочу играть в этом фильме. А вот с ролью еще не определилась, понимаю, что самая выигрышная — Женя, героиня из героинь, рыжая, красивая! Но хотелось мне играть Риту. Я, пользуясь своим знакомством с Ростоцким, звоню ему домой и прошу — нет, не дать мне роль, а разрешить мне попробовать вместе с другими актрисами. Он меня спрашивает: "Какую роль ты хочешь играть?" Я говорю: "Риту", — но тут же понимаю, что Женя — это мое, это ярче, и прибавляю: "Или Женю". На что он отвечает: "Ой, матушка, какие у тебя запросы". Но дал мне попробовать. Вообще, многие режиссеры предлагают на пробах самые сильные эпизоды фильма.

На мой взгляд, это неправильно. Ты еще не в материале, поэтому стараешься эксплуатировать то, что тебе лучше всего удалось, отсюда штампы. А Ростоцкий, наоборот, предложил нейтральный эпизод, который мы с Ирой Шевчук и разыграли. Потом он дал мне гитару — я тогда знала пять аккордов, сейчас уже все забыла, и что-то спела. Говорят, и сам Станислав Ростоцкий об этом писал, что вся съемочная площадка плакала. Но думаю, что это преувеличение, некая легенда, но меня и Иру Шевчук утвердили.

— Где снимались "Зори"?

— В Карелии, причем по тем временам все сняли очень быстро, за три месяца. Это было фантастическое время, снимались по четырнадцать часов в сутки, где-нибудь прикорнешь, поспишь — и опять на площадку. Андрей взял академический отпуск, а мы с Катей еще летали играть в ТЮЗе спектакли. Нам в дорогу собирали грибы, ягоды. Какая там была красота! Озеро — как луна, рядом пятьдесят огромных бревенчатых домов, а вокруг, куда ни бросишь взгляд, — тайга. Красотища! Как там сейчас, не знаю.

— В "Зорях" есть одна очень смелая по тем временам сцена — сцена бани. Как она воспринималась тогда?

— Бурно. Когда фильм первый раз показывали по телевидению, то тогдашний председатель Гостелерадио Сергей Лапин ее велел вырезать, ничего не сказав режиссеру. Ростоцкий устроил по этому поводу жуткий скандал. А со мной произошел вообще анекдотический случай. Получаю письмо, сначала даже не понимаю откуда, потом вижу, что из заключения. Автор пишет: "Наша лаг. администрация сделала нам подарок — показала фильм "А зори здесь тихие..." Потом рассказывает, как ему понравился фильм, а затем пишет всякие резкие слова в мой адрес: и как я могла сниматься обнаженной, и есть ли у меня муж, и как он это терпит. Письмо заканчивалось фразой: "По той ли дорожке ты идешь?" Я так расстроилась, ну, думаю, если уж мне такие письма из зоны пишут, то и впрямь той ли дорожкой иду. Но муж все перевел на юмор. Конечно, по тем временам это было откровение. Ростоцкий нас долго уговаривал, рассказывал о том, как прекрасно обнаженное тело, что мы видим в музеях нагих мужчин и женщин и восхищаемся этой красотой. Особенно подчеркивал: "Мне надо показать, куда попадают пули, что они попадают в красивые тела!" Мы на эту идею откликнулись. Обнажались, так сказать, за идею.

— Сейчас прошли сообщения, что Джулия Робертс согласилась обнажиться перед камерой за 25 миллионов долларов. В нашем кино есть такое — разденусь, но за большие деньги?

— Не знаю. У каждой актрисы, я думаю, свое отношение к этому. Кто-то ни-

когда не станет сниматься обнаженной, для другой — важен драматургический смысл, третья считает: если уж раздеваюсь — то платите. Я об этом уже не думаю, мне поздно обнажаться.

— В театре герои целуются, обнажаются, наверное, это не всегда приятно — с чужим человеком целоваться. Это делается "по правде"?

— Есть разные трюки, когда две головы поворачиваются в сторону, а зрителям кажется, что артисты целуются. Но если кому-то хочется по-настоящему, то почему и нет?

— А у вас не было такого, что с другими — трюк, а с кем-нибудь, кто очень нравится, от души, всласть?

— Нет, это не мое. Я никогда даже не влюблялась в своих партнеров. Ни на сцене, ни в кино. Потому что, если бы влюбилась по-настоящему, то ничего не смогла бы сыграть.

Без обещаний

— Вы сейчас ездите в метро?

— Очень редко, но вспоминаю в связи с этим одну историю. Захожу в булочную и слышу, как какой-то подвыпивший гражданин ругается вобщем-матом. Я возмущалась: "Прекратите сейчас же, как вы смеете! Здесь женщины, дети!" Он осекся и отвечает: "Ладно, при детях не буду, а при тебе буду". Но так как рядом были дети, он перестал. А моя дочка, ей тогда было, наверное, лет семнадцать-восемнадцать, мне и говорит: "Мама, ты в метро не едешь, ты жизни не знаешь". Так что жизни я не знаю, но подобная дикая грубость меня оскорбляет.

— Что-то приготовить по-настоящему: борщ, пирожки испечь, огурцы на зиму засолить, это вы можете?

— Огурцы никогда не солила. Но, думаю, если бы нужно было, научилась бы быстро. Я из тех русских женщин, которые все смогут, когда прижмет, и суп из топора сварю. Когда в доме нет ничего, то у меня есть обед, а когда всего много — то не знаю, что делать. Из ничего кормила семью. Все могу, другое дело, что мне это уже надоело. Я всегда была одна, с двумя детьми.

— А как же ваш первый муж, режиссер Михаил Левитин?

— Все делала я — покупала, варила, обувала, одевала, из своих вещей что-то перешивала, водила в сад, возила в музыкальную школу. Еще играла спектакли, снималась в кино. И так устала, что сейчас быт ненавижу. К тому же мне ничего особенного не надо. Бутерброд — и достаточно.

— А ваш теперешний муж, Валентин Гафт, страдает от этого?

— Думаю, что не очень.

— В "Серебряном веке" ваша героиня вспоминает летчика, который обещал ей, поднявшись в небо, пома-

хать крыльями самолета, и она, "дура", выходила на балкон и все ждала. А что ваши мужья вам обещали?

— Райской жизни мне никто не обещал. Но я так думала: раз выхожу по любви — а я два раза выходила замуж, не так уж и много, и по любви, — то и будет райская жизнь.

— Без обещаний?

— А что обещания? Мне не надо никаких обещаний. Просто была любовь... Потом начались, как бы помягче сказать, чтобы никому не сделать больно, ни детям, которые — золотые, ни бывшему мужу Михаилу Левитину... Я не принимаю в отношениях двух любящих людей лжи. Когда начинается ложь — все кончается.

— Вы сейчас встречаетесь с Михаилом Левитиным?

— Иногда. Здравствуйтесь — и до свидания.

— Ваши свадьбы с Левитиным, с Валентином Гафтом — они проходили пышно, эффектно?

— Когда мы поженились с Левитиным, у нас не было ни копейки. Просто расписались в загсе, были его друг, моя хорошая знакомая, вышли из загса, открыли бутылку шампанского и выпили. А с Валентином Иосифовичем — он вообще в больнице лежал, когда мы поженились. Так что у меня никогда в жизни не было свадьбы. Тем более что это ничего не значит для дальнейшей жизни.

Остров сокровищ

— Зато как красиво — белое платье, фата, черный лимузин...

— Нет, боюсь всего этого. Сколько помню пышных свадеб, все они заканчивались через год. Пустая трата денег. Люди разбегаются, чтобы потом никогда друг друга не видеть.

Мне кажется, свадьбу надо играть серебряную или золотую. Фату и платье белое, как в юности, конечно, не наденешь, но это настоящая свадьба! Свадьба-итог, когда люди проживают вместе долгую жизнь, — вот что надо отмечать. У моих мамы и папы так было — и серебряная, и золотая свадьбы. Они прожили очень трудную жизнь. Четверо детей, пятый умер в младенчестве. Отовсюду гоняли, потому что папа — сын священника и считался неблагонадежным. Но если бы через пятьдесят лет священник, который их венчал, спросил родителей на золотой свадьбе, согласны ли они прожить эту трудную жизнь вместе, зная заранее, что их ждет, они сказали бы: "Да". Жили трудно, но у родителей замечательные характеры, они никого никогда ни в чем не винили. Даже в страшные жизненные периоды умели увидеть хорошее. Предписано им в 24 часа покинуть город Магнитогорск с маленькими детьми, но вдруг находится хороший человек, который дает им на сборы не двадцать четыре, а тридцать шесть часов. Папа так и говорил: "Спасибо, помог хороший человек". У нас в семье никогда не было — "какая плохая советская власть". Жили своим миром, растили детей, радовались праздникам. Папа написал для нас книгу своей жизни, собрал удивительную библиотеку. Помню, как с братом забьемся к папе под крыльцо, а он нам читает "Остров сокровищ". Этим воспоминаниям держат меня в жизни.

— Вы часто вспоминаете прошлое?

— Не сказала бы, что вспоминаю, это вроде сел и вспоминаешь. Оно живет во мне. Какие-то картины, ароматы... Я вдруг поняла недавно, что утратила аромат мандаринов. Ведь для нас мандарины — это Новый год, а так как теперь они круглый год, то и аромат потерял свое очарование. И мне жаль этой потери, она кажется существенной. Но замечательно, что в этом году у нас был снег, и он скрипел под ногами, как в детстве.

— Как родители относятся к вашим успехам? Они поздравляют вас с новым фильмом? С ролью в театре? Радуются, что дочка — такая популярная?

— Их уже нет, к сожалению. Мама умерла последней, в сентябре. Наверное, гордились. Но мы с родителями никогда не обсуждали эту тему. Они могли сказать, что видели фильм, и все. Ведь это работа, и ничего тут особенного не надо. Правда, папа, помню, как-то сказал: "Ходил сегодня в книжный магазин, и они там узнали, что я твой отец. Дали мне книжку из-под прилавка".

— В Куйбышеве, где вы родились, к вам есть какое-то особое отношение, может быть, поклонники хотят организовать ваш фэн-клуб?

— Зачем? Я же не эстрадная певица. Да я бы никогда этого и не позволила.

— Но если вы им нравитесь?

— Очень хорошо, пусть смотрят мои фильмы, ходят в театр. Все остальное лишнее, от лукавого, пусть лучше книжки читают.

— Вы к ним строго относитесь.

— Я не к ним отношусь строго, я к себе строго отношусь. Надо работать и, как у Пастернака, "поражение от победы не отличать". Надо просто делать дело. А что останется после тебя, никому не известно. Все проходит, жизнь беспощадна, и в этом, наверное, ее правда. Поэтому, пока живем, давайте заниматься своим делом и по возможности дарить друг другу добро.

Владимир КОТЫХОВ.

З 11
Воспоминания Олега
16.2.02